

Роман Лозанов
Простите меня, москвичи

Роман Лозанов

Простите меня, москвичи

«Издательские решения»

2015

Лозанов Р.

Простите меня, москвичи / Р. Лозанов — «Издательские решения», 2015

Группа войсковых разведчиков получает задание понаблюдать за горным селением. Прибыв на место, отряд на короткое время разделился. Часть бойцов осталась на пункте наблюдения. Другая часть решила «прошвырнуться» по горам. Вернувшись на место, разведчики находят своих товарищей убитыми. Желание отомстить убийцам приводит оставшуюся в живых группу к противостоянию с хорошо организованным врагом. Но откуда этот враг взялся?

© Лозанов Р., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Простите меня, москвичи

Роман Лозанов

© Роман Лозанов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1

Странный снайпер

Из-за этой сучки я потерял свой пистолет.

Я выронил его из кобуры, когда зацепился, за какую-то железку на дне неопреновым гидрокостюмом. Берега того дурно пахнущего озера вполне могли быть заминированы врагом. Но никто не догадался бы поставить мину в гнилой водоем. Черт знает, что в него сливали до войны, но когда я тихо вынырнул под кустом, от меня разило как от помойки. В этом были свои плюсы и свои минусы. Хорошо, что собаки меня теперь не отличат от куска дерьма, если придется посетить близлежащее селение. Плохо, что тошнит от собственного запаха.

Командир батальона или попросту «Батя» приказал найти и обезвредить вражеского снайпера, от чьей руки он вчера получил пулю в плечо. Уже в который раз приказал, но первый раз мне. Дважды мотострелки оставляли ночные засады в том направлении, куда я иду и дважды нам приходилось запрашивать вертолет, чтобы вывезти «двухсотых и трехсотых», то есть, убитых и раненых. Нож, что только и остался на моем поясе из всех средств самообороны хоть и хороший десантный, никакое оружие против автомата. Это я понял еще тогда, когда бежал из ямы, в которой меня держали четверо суток, пытаясь получить выкуп. Тем не менее, выбора не оставалось. Один раз я, кажется, удачно перенырнул эту зловонную клоаку, а второй раз – это как судьба повернется. Он может быть и последним в моей жизни.

Пока я раздумывал, возвращаться мне или нет, тело озадаченного «мыслителя» двигалось вперед, инстинктивно маскируясь и покидая опасную зону. Стоял март. И хотя в здешних краях в это время года днем уже тепло, ночью можно околеть от холодрыги. Одеваясь в теплоизоляционный неопрен, я предусмотрел климатический фактор ночи, однако в полдень мне придется изрядно попотеть.

«Сова» такую кличку получил снайпер, периодически постреливающий в наших бойцов, из ночных укрытий. Ну и глаз был у этого парня! Однажды, практически ночью, с расстояния не менее ста пятидесяти метров, он выбил зубы у неосмотрительно ссавшего в окоп сержанта – срочника. Тот, дурак, мочился себе под ноги стоя во весь рост, при этом он забыл вынуть сигарету изо рта. За что и остался без половины челюсти. Сейчас он брякает титановым имплантантом в госпитале, пытаясь снова научиться разжевывать и глотать еду.

Я отчетливо помнил топографическую карту местности. До моей цели – селения у подножия высокой горы было ровно девять километров пятьсот метров. Днем там господствовали наши бойцы, ночью – духи! Я чувствовал, что снайпер приходит оттуда. Он профессионал. Действует быстро: занимает облюбованное заранее место, делает точный выстрел и немедленно отступает. Днем, за этой местностью внимательно наблюдает кто-то еще. Он докладывает о всех нежелательных посещениях позиций снайпера «наверх», «Сове», тот принимает решение: идти либо не идти на охоту, просить или не просить людей у своего командира, для прикрытия ночной охоты. Так или иначе, но «Сова» очень вынослив, он успевает в вечерней мгле преодолеть десять верст по пересеченной местности, вслед за уходящей из села на ночевку, военной техникой, успешно отстреляться и вернуться домой, до того, как в селение ворвутся БТРы со спецназом.

Говорят, что здесь, в этой «горячей точке», тяжелее воевать, чем в Афгане, где «Град» превращал в пыль любой аул, посмевавший не подчиниться Советской власти. В здешних местах в нас стреляли отовсюду: с крыш домов, из сараев, даже из под крышек канализационных люков. Любой дверной проем, любое окно, а так же придорожные кусты и камни таили в глубине ночных сумерек смертельную опасность. А мы не могли раздавить эти окна и эти проемы танками, потому что там жили невинные люди, там спали дети.

Я уже давно отработал время своего первого контрактного договора и мог бы уйти на гражданку, но, глядя на тех, кто приходил, чтобы занять мое место, вновь и вновь оставался на службе. Не скажу, что мне было жалко этих молодых и неумелых птенцов: «желторотиков» многие, из которых уедут отсюда абсолютно холодными, скорее всего я переживал за своих боевых друзей, настоящих асов войны. Их осталось совсем немного, и останется еще меньше, если вместо меня в строй станет трусоватый «желторотик».

Если бы вместо меня сейчас шел новичок, он изнеженный цивилизованным образом жизни, точно не полез бы в этот наполненный говном водоем. И кишки очередного «Рембо» опять пришлось бы выковыривать из камней двум припизднутым дурням из хоззвода. Двух тощих пареньков из села Кукуево знали все местные бандиты и фарцовщики. Неспособность последних отличить мину от тарелки с борщом и пистолет от молотка, да, наверное и букву А от буквы Б, дали им странный иммунитет от пули боевика. Эти солдатики, что явно были призваны на действительную службу из школы для недоразвитых детей, где они в двадцатилетнем возрасте заканчивали первый класс, могли спокойно заходить среди ночи в любой дом местных жителей требуя паленой водки или анаши для своих руководителей, кем являлись все люди в погонах и даже без них.

Какой я молодец, что не пожалел денег и притащил с гражданки этот великолепный неопренчик! Аккуратно выбравшись на берег пруда, я тут же залег. Если бы кто-то с расстояния двух-трех метров и разглядел бы меня, он бы никак не подумал, что лежащий у него на виду продолговатый булыганище, является живым существом. Лежал я, не шевелясь. Лицо, руки, кроссовки, гидрокостюм – все абсолютно черное. Где-то совсем неподалеку, может быть вон там, за ближайшим кустом находится вражеский наблюдатель, или сам, удачливый и хитрющий, снайперюга. Упрямая назойливая муха. Кровожадный лесной комар, до смерти кусающий людей. Сегодня я с тобой рассчитаюсь!

Неожиданно, метрах в двадцати от меня ударил выстрел. И тут же, за вонючим прудом, раздался душераздирающий вопль раненого солдата. «Раз орет, значит жив», – машинально отметил я и не меняя положения тела, прикрыл глаза и посильнее вжался в землю. Поскольку я нечаянно угадал где будет находиться сегодня враг, и чуть было не вылез из пруда прямо на него, надо бы поменять позицию, укрывшись в ложбинке от ответного огня родных мотострелков. Однако рисковать своей удачей, выдавая себя движением, я не хотел. И мгновенно пожалел об этом. Длинная очередь, выпущенная из РПК, прорезала тьму в считанных сантиметрах от моего тела. С позиции роты затыкали автоматы, затем тяжелый «Утес» рявкнул так, что даже мне стало не по себе от разлетевшихся в разные стороны осколков валунов, за которыми скрывался сейчас мой вражина – снайпер.

Сука! Куда же делся этот гребаный пистолет? Всего двадцать метров до врага, и, можно было поставить на этом деле жирную точку! А лучше крест. Наверняка эта гнида без «бронника» и пока бы он развернул в мою сторону свое длинное дуло... Оставалась еще небольшая противопехотная мина, притороченная к ремню. Но что это за оружие? В данном случае оно бесполезно.

Все! Пора! Мы с Батей договорились: если снайпер выстрелит, солдаты будут стрелять в ответ ровно четыре минуты. Я согнувшись в три погибели рванул в сторону дороги, стремясь встать на пути примерного отступления врага. И, о чудо! Мне в спину ударил чей-то, не до конца угомонившийся, «калаш». Одна из пуль вырвала кусок неопрена из моего костюма. Я снова упал на землю, ощупывая повреждение. А, ерунда! Царапина на ноге. Но кровоточит сильно. Наверное, потому, что от волнения давление в моем организме зашкалило за верхний предел допустимой нормы. «Вот тварь тупая!» – зло подумал я про автоматчика. Вернусь, навешаю ему звездулей прямо под оба глаза! Чтобы они вместо прибора ночного видения денно

и ночью освещали ему дорогу на парашу, где он прочно пропишется сразу же после моего возвращения на базу.

Со стороны наших позиций взревел движок БТР. Слышны были выкрики солдат запрыгивающих на броню. Все это делалось для остраски, для того, чтобы отвлечь внимание притаившегося где-то наблюдателя. Конечно же «бэха» никуда не поедет. Честно говоря, наблюдателя я не боялся. Тот наверняка уже куда-то утянулся, как только снайпер закончил сегодняшнюю работу. Да и попасть в меня ночью из стрелкового оружия – это большая проблема. Но завтра он снова появиться где-нибудь в окрестностях лагеря, а за ним, глядишь, и снайпер приползет на свое место. В общем, все начнется сначала.

Врага я обнаружил метров через пятьсот, после того как со всей мочи бросился бежать по дороге, поднимающейся вверх, к селению. Сначала я догонял его неслышно, изо всех сил пытаюсь соблюдать тишину. Но вот под ноги мне попал камень, не замеченный мной в темноте, и я, со всего маху, растянулся на земле. Грохот моего тела показался мне чуть не громом среди ясного неба. И наверняка этот гром донесся и до ушей моего врага. Здесь, я разозлился настолько, что кинулся вперед, за своей «дичью», уже не прячась и не таясь, а так, словно я участвовал в осеннем марафоне юниоров. Сейчас, когда я себя демаскировал, главное было не упустить момент, когда незнакомец развернется и начнет в меня целиться. И, я сомневаюсь, что он попадет в меня ночью, после усиленного бега по пересеченной местности, с подпрыгивающим от перенапряжением сердцем, и руками ходящими ходуном от перегрузок. Ситуация, конечно же, была смехотворной. Знал бы враг, что я догоняю его с ножиком в руке и с миной на поясе, которой никак не смогу воспользоваться в целях личной самообороны. Я на ходу отстегнул надоевшую мину и отбросил ее в кусты. Бежать стало немного полегче. Но как я теперь буду биться с серьезно вооруженным и надо полагать, хорошо тренированным боевиком, я и сам не знал. Правда, у меня было небольшое преимущество в оснащении боевыми аксессуарами. На мою тупую башку, похоронившую огнестрельное оружие в пруду, был напаян прибор ночного видения, а на голову снайпера – нет! То ли мина помогла, толи я уж в конец разозлился, но расстояние между двумя нашими телами стало неумолимо сокращаться. Ура!!! Я вот-вот догоню этого козла и... он меня тут же грохнет. Убегая он, наверное, никак не мог понять: почему я не стреляю ему в спину? А мне было дико интересно: почему меня еще не застрелили?

И тут я подумал: он не стреляет в меня потому, что перепутал меня со своим наблюдателем, тоже, где то со всех ног убегающим с места преступления. Ведь увидеть как я выгляжу, в темноте он не может. В этом месте дороги, горы, где она проходила, вплотную приблизились к проезжей части. Если сзади появятся БТРы федеральных войск, бросится в сторону и спрятаться на крутых склонах будет проблематично. А если хотя бы на одной из машин будет установлен тепловизор, тогда это просто конец! Одно спасение: жилой поселок, который скоро откроется за одним из поворотов дороги. Или, может, бандит думает, будто я хочу его взять живым, предполагает, что вижу его и боится обернуться, чтобы не получить пулю в грудь? Естественно: был бы у меня автомат, я бы не дал ему в меня не только прицелиться, а даже и повернуться в мою сторону. Само-собой, что он даже предположить не мог, что его нагоняет какой-то полудурок, с вшивым ножиком в руке. И это тоже было моим преимуществом!

Не снимает СВД со спины, не стреляет. Вот болван! Был бы у меня автомат, я бы давно его убил. И пошел бы в роту – спать. Хорошо, что враг не догадывается о том, что он мне нужен только для того, чтобы его прикончить. Это я обещал бате. А свои обещания надо исполнять – таково мое жизненное кредо! Таков, извините, господин снайпер, мой жизненный принцип. И поэтому, кому то из нас сегодня смертельно не повезет. Однако, все в пределах разумного. Может быть, я был когда-то героем. Но дураком никогда. И если этот, улепетывающих со всех ног хлыщ, направит в мою сторону какую-нибудь волюну любого диаметра и размера. Пусть

даже игрушечный пистолетик. Или, чего еще хуже, начнет стаскивать с плеча СВД. Я срочно сделаю ноги в направлении, совсем противоположном нынешней траектории движения собственного тела.

Зеленое свечение в моем приборе ночного видения начало помаргивать, а силуэт убегающего снайпера стал терять очертания. Ну что это за непруха в сегодняшнюю ночь: то пистолет, то прибор! Надо было срочно чего-то предпринимать. Или я рисковал остаться в полной темноте, на дороге, где, как минимум имеется один вооруженный грозным оружием, враг. Я представил выражение глаз удиравшего от меня во все лопатки бандюка, когда он услышит как гнавшийся за ним грозный «контрабас», вдруг, ни с того ни с сего кинется улепетывать в противоположную сторону. Причем с такой скоростью, какая ему, возможно и не снилась. Не знаю, что на меня нашло, однако я не выдержал комичности представленной картины и дико заржал. Наверное, это было проявлением некоего опасного психоза, наподобие белой горячки. И скорее всего этот смех был последним в моей жизни. Потому что я выдернул нож из поясных ножен, и дико гогоча, на пределе дыхания, начал резко сокращать расстояние до близкой уже цели. Теперь то этот гад наверняка понял, что нагоняет его не их долбаный наблюдатель.

– Стой пидор! – проорал я сквозь смех и слезы, выступившие у меня на глазах от нервного и физического перенапряжения. – Стой! Или я буду стрелять!

Уже почти ничего не видя в прибор, я с ходу налетел на застывшую посреди дороги фигуру. Удар в затылок, подсечка, еще удар, еще.... Избивая жертву, я продолжал хохотать. Наверное, сила моих ударов была менее мощной, чем если бы я бил со злостью. Но этому обосравшемуся лоху таких ударов вполне хватило. Он упал на землю вперед лицом и больше не шевелился. У меня было ощущение, что я бью по мешку с дерьмом. Поэтому я скоро успокоился. Я срезал ножом ремень эсведешки, все еще торчащей на спине снайпера. Передернул затвор. Из патронника на землю выпал снаряженный патрон. Ружье заряжено и готово к применению! Так чего же ты не стрелял – сволочь? Доверился элементарной логике, зная, что безоружный человек за ним точно не побежит? Но он не предполагал, что есть на свете еще такие тупые вне логичные экстремалы как «ваш покорный слуга». Эксклюзив блин.... И, все равно, что-то здесь не так. Не вязалось поведение снайпера этой ночью, с его предыдущей «работой». Неужели весь наш мотострелковый батальон запугал вот этот лошара? Я присел на камень и присмотрелся к лежащему на дороге телу. Странному какому-то телу.

Нет! Не может быть! Я осторожно протянул руку и потрогал бандюка за гимнастерку. Сиськи бля! Баба! Вот те на! Сколько воюю, а ни разу женщин-боевиков не видел. Хотя слышал, что биатлонистки сюда приезжали поснайперить, то ли литовки, то ли эстонки.

Е-мое: так что же мне с ней теперь делать? Я быстро ощупал застывшее от ужаса тело, на предмет присутствия у него оружия и боеприпасов. Рука кроме обнаруженных недавно сисек, больше ничего не нашла. Значит, ходит бандитка налегке, чтобы смыться побыстрее после совершенного ночью, очередного преступления. Видимо правильная тактика. Отбрось эта дура по дороге еще и ружье – точно бы ее не догнал. «И чем это оно ей так дорого? Почему она винтовку то не выбросила» – размышлял я, продолжая деликатно (баба все ж) шлепать по телу своей, вымазанной прудовым илом, ладонью. И тут моя рука наткнулась на сырое пятно, растекшееся у снайперши по брюкам. Надо же ссыт эта тварь и в самом деле как настоящая баба – с перепугу. Интересно когда она помочиться успела: до того как я ее нагнал или после? Скорее всего и до и после, и по всякому такому поводу. Плохи же дела у бандитов, раз такую ссань на дело посылают.

Здесь я поймал себя на мысли, что никак не могу разозлиться на эту дуру. А почему? Да кто его знает? Может со смехом моя злость уже вылетела. Или просто потому, что на баб я в принципе не обижаюсь. А до сей поры и руку-то ни разу не поднимал.

Мы находились где-то в конце пути между селением и нашим батальоном, занявшим позиции километрах в семи от места моей геройской стычки со снайпершой. И я решил ждать

своих парней на этом месте. Все равно они попрутся сегодня в село наводить разборки. Оставаться на месте было безопаснее, чем конвоировать эту бабу в батальон. Я еще не забыл о вражеском наблюдателе, который возможно крадется сейчас по этой дороге. Нарваться на шальную пулю я не хотел. На эту пулю я лучше насажу любого ночного прохожего, который не отзовется на сегодняшней гарнизонный пароль. Кроме того мне было почему-то стыдно. Ведь в принципе, я все-таки не воюю с бабьем. Снять, что ли ремень и отжучить эту снайперилу по мягкому месту, а потом зарачить пинка и пусть шурует откуда пришла. Или ударить пару раз прикладом по пальцам, чтобы навсегда отучилась оружие в руки брать.

– Эй! Давай поднимайся! – скорее участливо, чем требовательно, приказал я, замершему в ожидании своей участи, телу.

Два раза ее просить не пришлось. На фоне светлеющего предрассветного неба, прямо передо мной, выросла фигура девушки, или, может, молодой женщины. Еще не рассвело, поэтому лица у нее не было видно. Но, по растрепавшимся от бега волосам, по, едва различимой, нежной линии губ и профилю носа, угадывалось, что она еще далеко не старуха. А совсем даже наоборот. Член в моих штанах слегка шевельнулся. «Трахнуть ее что ли? – пронеслась в голове шальная мысль». Да, не... Я не насильник и не мародер, как некоторые опустившиеся контрабасы. Я – честный воин! Это мое кредо. Может потому-то и жив еще. Бог ведь – он все видит!

– Ну, че, давай знакомиться? – ехидно сказал я, демонстративно отставляя в сторону винтовку. – Эта тощенькая бабенка не представляла для меня опасности, даже удивительно: как я ее с первого удара не убил? И конечно же я ее совершенно не боялся. А вот она, кажется, относилась ко мне со страхом. Слышно было, как постукивают ее зубы.

– Имя! – уже более определенно приказал я.

Она не ответила, но зубы стали стучать сильнее.

– Имя, бля!

– Полли – сквозь зубную дробь выдавила она из себя.

– Номер бригады, части, взвода, бандформирования? Кто тобой руководит – сука?

– Никто. – тихо сказала она и заплакала.

– Плачешь, да? А над твоими подарками для матерей – цинковыми посылочками отсюда, никто плакать не будет? Ты одна такая нежная? – Кажется, я стал заводиться, некстати вспомнился последний убитый «срочник», упакованный в грязный мешок.

– Последний раз спрашиваю: кто тобой руководит? – я протянул руку к винтовке.

– Стойте! Я скажу! Только не убивайте! У меня ребенок маленький! – закричала она.

– Да? Неужели маленький? А у других детей нету что ли? Ты хоть знаешь сколько людей из за тебя осиротели? – я начал дергать подклинивающий затвор винтовки, пытаюсь перевести его в боевое положение. Нет, я определенно завелся. И сейчас тупо грохну эту суку, за все ее жестокие ночные преступления. За Батю, за убиенных пацанов, за титановую челюсть сержанта, за все...

Она поняла мои намерения и стала быстро-быстро говорить: – Это дядя Арсен, клянусь, отец моего мужа. Он меня заставил. Когда мужа убили он пришел к нам в дом и сказал, что теперь я должна отомстить за смерть его сына. Я сказала... сказала, что не могу, не умею, не хочу это делать. Тогда он забрал моего ребенка, мою маленькую девочку. Он унес ее куда-то, пообещал вернуть только после того как я принесу ему уши какого-нибудь русского.

– А так ты за ушами пришла? – зло прошипел я, отбрасывая винтовку в сторону и берясь за рукоятку ножа. – Тебе мало шестерых трупов, хочешь еще и уши унести?

– Не убивала, я никого, это отец мужа ходил сюда. Мы, с подругой, в Грузии подготовку проходили, в лагере для наемников. Стрелять учились там, мины ставить. Вчера только вернулись. И сразу же на задание!

– Так у тебя подруга здесь? – я внимательно посмотрел на дорогу, затем на скалы вокруг. – Так это она у тебя корректировщиком подрабатывает?

– Подруга сбежала еще на границе. А я куда от ребенка сбегу?

Голос у нее был приятный. Говорила она на нормальном русском языке, почти без акцента. Светлеющее небо четко подтверждало догадку о юном возрасте снайпера – неудачницы. Как изображение на негативе в ванночке с фотореактивами, передо мной проявлялись черты симпатичной молодой брюнетки не более двадцати трех лет от роду.

Однако все эти нежные факты меня уже не волновали. Я решил, что она все врет. А врать нехорошо! Когда меня пытаются надуть, я становлюсь опасным до такой степени, что начинаю побаиваться сам себя. Настолько это возмущает. Все-таки я не первый день живу на свете, не мальчик уже давно. Наивность и глупая неосмотрительность осталась далеко за порогом гражданской жизни, а может, я похоронил ее на развалинах какого-нибудь аула, еще в первую мою поездку в этот край.

– На колени, сука! – по змеиному прошипел я еще крепче сжимая рукоятку торчащего за поясом ножа. – Это ты кому все рассказываешь? Это ты мне все рассказываешь? Да я уже два года здесь воюю, изучил вас, обманщиков, вдоль и поперек. Вы все тут не при делах. Как же! Иди, бабушке расскажи свою сказку на ночь. Она поверит. Но не я, блядь... Быстро говори всю правду, пока я тебя не замочил!

– Давай, давай подонок – режь меня, стреляй! – закричала она, разрывая пуговицы камуфляжной куртки на своей груди. – Убей меня! Вбей меня в землю, изнасилуй, порви, сожги! Как вы, собаки, любите это делать! Только я сегодня первый раз стреляла по человеку. И все потому, что у меня дочку отобрали. А у вас, у тебя, если бы отняли ребенка, что бы ты стал делать?

«Э, так у нее тоже с нервами не в порядке», – подумал я от неожиданности потеряв дар речи и свой пыл. Кроме того, мне стало немного стыдно. А почему не знаю. Смущенный я присел на первый попавшийся камень. – Но, похоже, она не врет. И из-за этой сумасшедшей сучки я потерял свой лучший пистолет?

– Встань, – скорее попросил, чем приказал я. Она, размазывая по щекам слезы и, черт его знает, может, сопли, поднялась с колен. Силенки у этой девочки, видимо были. Надо же: так дернуть за пуговицы, что даже кофту порвать. Через прореху в камуфляже белым пятном светилась грудь, выпавшая из лифчика. Мой член снова начал шевелиться. – Застегнись, – пробормотал я, усилием воли отводя глаза в сторону. Я не насильник и не мародер – это точно!

– Ну, и кто ходил сюда до тебя? – спросил я уже более миролюбиво.

– Кто кто: дядя Арсен и ходил. Вчера похоронили. Подстрелили его позапрошлой ночью, ваши. А мой ребенок все еще у родни мужа.

Я немного помолчал, затем спросил, как мне самому показалось с противным участием в голосе: И что ты сейчас собираешься делать?

– Не знаю, – честно призналась она.

– Вот что, говори, где наблюдатель, и мы вместе решим, что дальше с тобой будет. Одно, пока могу сказать точно: ни стрелять, ни резать я тебя не буду, – сказал я.

– Я его не выдам, вы его убьете.

Я снисходительно измерил взглядом ее далеко не солдатскую фигуру: – Ну, если он такой же «боец» как и ты, тогда нет, не убью.

– Обещаете?

Я сжал губы, спросил, стараясь в полумраке разглядеть глаза своей собеседницы: – Твой наблюдатель в кого-нибудь стрелял?

Она взбодрилась: Нет. Наблюдатели – мальчишки из нашего села. Их двое. Меняют друг друга, когда надо. Иногда уходят домой вдвоем, вместе отдыхают, спят. Потом по очереди

снова на «пост». Покидают свою позицию обычно после того как снайпер выходит на линию огня.

– И, получается, что они сейчас уже в селе? – подытожил я, облегченно вздыхая. Мне как-то не хотелось в эту прекрасную ночь получить пулю в грудь от какого-то мальчугана. То, что я бывалый разведчик и старый солдат – ничего еще не значит. Как говорить и на старуху бывает поруха. А в темноте ухо надо держать востро!

– Хорошо, – кивнул я головой. – А с какой точки, обычно, они ведут наблюдение?

Прибодрившись, мой недавний враг, ночной снайпер, или как до сей поры, я ее называл в уме «снайперша», бодренько все рассказал. Оказывается, наблюдательный пункт врага, все это время находился внутри ствола большого дерева. На склоне холма, в аккурат напротив позиций нашего батальона. «Чехи» – так мы иногда называли между собой местных чеченцев, потихоньку вытащили из ствола трухлявую сердцевину и умело замаскировали это дело, наклеив на дерево кору. Конечно, взрослому человеку там поместиться будет тяжело, но мальчишкам в самый раз: есть где развернуться и отдохнуть если заставит нужда. Залезали они туда через специальный подкоп, ныряющий под корни дерева и выходящий на поверхность уже внутри оригинального укрытия.

– Ловко придумано! – усмехнулся я. – А теперь скажи: Что мне с тобой делать?

– Она опустила глаза, пробормотала почти шепотом: – Мне надо домой, у меня грудной ребенок!

– Хочешь, чтобы тебя солдаты увезли в следственный изолятор? – как будто не слыша ее шепота, спросил я. – Сама знаешь, что с такими как ты по дороге бывает? – я многозначительно посмотрел на ее ладную фигуру. – Ты нанесла ранение законному представителю вооруженных сил. Тебя поймали с винтовкой, когда ты бежала с места, откуда было застрелено шестеро военнослужащих. В общем, пока проедешь все блок-посты, на каждом из которых десятков здоровых мужиков бабу по пол года не видели...

– Тогда, лучше убейте! Прошу!

– Нужна ты мне, тебя убивать, – совсем уж миролюбиво и как мне снова показалось, с неприкрытой жалостью в голосе, процедил я сквозь зубы. – Говорю это, чтобы ты до конца осознала, на что ты идешь, беря в руки оружие.

Тут в нашем разговоре образовалась пауза. Я замолчал, доставая из непромокаемого пакета портсигар. Вынул сигарету, помял ее в руках. Однако прикурить не решился. Небезопасное это дело на войне.

Она стояла и смотрела на мои чумазые руки, на сигарету, боясь пошевелиться. Понимала, видимо: судьба ее решиться прямо сейчас. В мозгах этого странного человека одетого в дурно пахнущий прудовыми нечистотами неопределенный костюм.

– Ты вот что, давай, иди...

– Как это иди? – не поняла она моих слов.

– Да вот так иди и все, – устало подтвердил я свое намерение наконец закончить это дело.

Она внимательно посмотрела на винтовку, лежащую неподалеку от моих ног.

– А, это... – я взял винтовку за ствол и отбросил ее в сторону. – Не бойся, в спину стрелять не буду. – Я все-таки достал из пакета зажигалку и жадно прикурил. Господи! Как мне надоела эта сраная война, с ее ежедневными метаморфозами. Когда же все кончиться?

Пока я «упражнялся» с сигаретой, раскуривая ее в свое удовольствие, снайперша потихонечку стала отступать в предрассветный туман. Я сидел и курил, будто бы совсем не обращая на нее внимания. На самом деле мне было интересно, с какой скоростью она бросится убежать от меня, как только поймет наверняка, что опасность уже миновала. После того какого ужаса я на нее здесь нагнал, думаю, что скорость будет не хилой. Она остановилась недалеко, и чего-то там шебуршилась. То ли обувь зашнуровывала, то ли обмундирование поправляла.

– Эй, солдат!

- Ну, что там еще? – устало оглянулся я на окрик.
- Держи на память! – к моим ногам упала змейка золотой цепочки.
- Я посмотрел на медальон, прицепленный к ней. Ничего особенного – маленький лакированный дельфинчик, вынырывающий из воды. Но, красиво!
- Спасибо! – крикнул я в сторону стучащих по дорожным камням, убегающих от меня, ног. Надо сказать, что убежали они действительно не хило.

Глава 2

Новое дело

Докладывать о результатах операции было некому – «Батю» увезли на аэродром. Появится он здесь не раньше чем через месяц. Для начала я зашел к особисту, продиктовал ему номер чужой винтовки. Записав номер, майор поднял на меня усталые глаза.

– Ликвидировал?

Я утвердительно качнул головой.

– Труп где?

– Наверное, уже там нет!

Особист подозрительно посмотрел на мою черную рожу. Потом, поняв, что ничего дельного ему больше тут не скажут, махнул рукой. Собственно, зашел я в его палатку, только для того, чтобы он ненароком не разбудил меня днем, когда я буду отдыхать.

Перед сном, требовалось сделать еще одно дело. Кое-как переставляя ноги от усталости, я добрал до ближайшего БТРа. Возле него горел костер. Двое солдат срочной службы, прибывших сюда по призыву, или, в простонародье, – срочников, что-то с утра там кашеварили. Над костром висел замызганный чан с варевом. Иногда один из солдат брал темной от грязи и мазута рукой алюминиевую поварешку и осторожно размешивал варившуюся похлебку, вздымая на поверхность ошметки слипшейся вермишели. От чана, вообще-то пахло неплохо.

– Че, нехватка витамина «С»? – спросил я. И понимая, что в мою шутку тут так никто и не врубился, добавил – Почему в нормальной столовой то не хаваете?

Один из солдат поднял на меня красные от постоянного недосыпу глаза. Видно было, что он меня побаивается. Разведчиков, особенно контрактников, здесь многие боялись, а тут еще добавляли впечатлений моя черная рожа и странный неопределенный наряд на моем теле.

– Да, задолбала там эта гнилая вареная рыба. Сам знаешь – нормальную еду еще в Москве съели. – уныло пробубнил он.

– А ты переходи в разведку, у нас кормежка намного лучше.

– Не, тут то я хоть за броней могу скрыться, а у вас там вообще чистое поле и никаких перспектив.

Здесь надо заметить, что он был прав. Активные боевые действия в Чечне уже давно закончились, проходила здесь застарелая «контртеррорестическая» операция. Успех которой, в основном, зависел от действий разведчиков и контрразведчиков, что в настоящий момент времени рисковали своими жизнями гораздо чаще, чем представители других родов войск.

– Пацаны, -обратился я к обоим солдатам – заостряя их внимание, на собственной проблеме, приведшей меня сюда, – видите, вон там на холме, большое дерево, среди камней?

– Ну, видим, – нехотя посмотрели они в нужную сторону.

– Короче! Через пять минут, чтоб этого дерева там не было!

– Вообще-то БТР на ремонте – попытался отмазаться один из солдат.

– Ты что, боец, не понял приказа?! Может объяснить по другому? – тихо сказал я не сходя с места.

– Нам нужно распоряжение командира, чтобы открыть стрельбу. – Заступился за своего товарища, рядом сидящий воин.

– Не ссыте, я обо всем договарюсь, – уже более хладнокровно проговорил я.

В другое время я с этими салагами и разговаривать бы не стал. Просто влез бы в БТР и разнес это дурацкое дерево в щепки из КПВТ. Но сейчас я устал. Ох, как я сегодня устал, мама!

Ночью, к нам в палатку, на всякий случай на половину вкопанную в землю, ворвался командир роты майор Судаков. Честно говоря, я и выспаться то толком не успел. А тут новое задание. Я, прапорщик Сивков, ефрейтор Незабудка и трое солдат-срочников, должны были скрытно выдвинуться на наблюдательную позицию, близ небольшого аула, километров за двадцать от этих мест. Точка, куда мы должны были отправиться, находилась в горно-лесистом районе, через который, как предполагалось, на базы боевиков транспортировалось оружие, боеприпасы и медикаменты. Задача нам была поставлена простая: подойти к окрестностям горного селения, и, соблюдая все меры предосторожности, вести наблюдение за передвижением людей и грузов, проходящих через подозрительный аул. В случае, если появиться транзитный, либо иной караван, с явными признаками наличия в нем оружия или боеприпасов, нам предстояло осторожно выяснить куда и кому переправляется груз. В бой приказано было не вступать. В общем-то не сложная задача. Бывало и похуже. Однако мы, уже наученные горьким опытом «бесшумных» операций, когда не знаешь куда деть последнюю пулю: то ли в лоб себе пустить, то ли во врага, затарились боеприпасами под завязку. Как говаривал один мой хороший знакомый, вытаскивая кривой лом из-под изгороди чужого участка: «Лучше не знать куда деть, чем не знать где взять». Тот знакомый был редким крохобором, жил он в частном доме на краю большого села и весь двор у него был завален различным бытовым и производственным хламом. Собирал он его где ни попадя: по дороге на работу, там, где ему приходилось трудиться, и в конце концов не брезговал мелкими хищениями того, что по его мнению плохо лежало у нерадивых хозяев. Тащил он все: старую краску, гвозди, куски железа, макулатуру у зазевавшегося школьника, кусок рубероида, сорвавшийся с крыши. На вопрос: зачем тебе это барахло? Он неизменно отвечал, своей дежурной фразой, которая стала для него смыслом жизни. Однажды, я вспомнил ее на войне, по весьма плохому поводу. Тогда, один из командиров, не обеспечив солдат необходимым боекомплект, послал их преследовать небольшую группу боевиков, прорвавшихся из окружения. В пылу преследования солдаты быстро расстреляли весь свой запас патронов. А было у них всего по «рожку» на брата. И вот, когда они стали возвращаться, наткнулись на раненого ими же «духа». Сообразив, что у пацанов кончились патроны, «дух» по рации вызвал бросивших его под кустом, друганов. Которых, как выяснилось позже, было всего двое. Место там скалистое, обрывистое, ни вверх ни вниз далеко от тропы не убежишь. Результат: девять убитых, семеро раненых и пятеро перепуганных, готовых к убою, молодых солдат. Им бы всем перерезали глотки, если бы мы с Сивым и Незабудкой не возвращались тогда с задания. Среди убитых лежал и их глупый командир, – лейтенант, с опустошенной обоймой в пистолете. Единственным боекомплект, который он взял с собой в «зеленку»!

Вот тогда-то я и вспомнил любимое выражение, своего знакомого-крохобора. Лучше бы те бойцы не знали куда деть патроны. Были бы живы и здоровы все! Сивый и Незабудка тоже хорошо усвоили урок. Привычка ходить в горы с облегченным вариантом поклажи, урезая свой боекомплект, у них быстро пропала.

«АГС» мы с собой брать не стали, одна станина от него весит как десяток одноразовых гранатометов «Муха». Конечно: он очень бы пригодился, случись бой с неравным противником. Но мы все-таки разведка, нам нужно передвигаться скрытно и стараться при этом быть мобильными. Тем не менее, выходя на «дело», на этот раз мы серьезно вооружились. Ведь у нас была бесплатная раб сила, вьючные лошадки под названием «солдат срочной службы». Кроме стрелкового оружия положенного нам по штату, срочники тащили мощный РПГ -7 с несколькими выстрелами к нему, штук по двести патронов к автоматическому оружию. А так же у них в рюкзаках и разгрузочных жилетах имелись снаряженные магазины, запас снарядов для подствольных гранатометов. Ручные гранаты. А еще продукты питания, спальные мешки, рацию, медикаменты. Ну и мы – старые «контрабасы» тоже шли не пустые. Лучше не знать куда деть, чем не знать где взять!

Шли мы как волки – след в след. Впереди Сивый – светловолосый прапор из Вологодской области, бывший охотник-промысловик. Впрочем, почему бывший – он и сейчас на промысле. За ним я, – гвардии старший сержант Каракозов, боевая кличка Марс. Дальше плохо обстрелянный срочник: Леха, Петро и Марат. От этих, так и жди какого –нибудь косяка. Замыкал колонну Незабудка, невысокого роста спортивный пацан, лет так двадцати пяти отроду, из города Москвы. Незабудкой его прозвали за то, что он никогда ничего не забывал в дорогу. Спроси его сейчас: иголку с ниткой взял? Взял! Кружку с ложкой взял? Взял! Сто пачек презервативов взял? Взял! Ничего никогда не забывает. Во, москвич, во нация!

Вообще я заметил, что со временем, российская армия воевать в сильно пересеченной лесистой местности, каким являлся Кавказ, немного научилась. И научили ее этому «полевые командиры» противника Басаев и Хаттаб. Научили, бескомпромиссно ставя неудовлетворительно-красные отметки за любое, неправильно выполненное задание. Не знаю, к чему нас готовят, но подготовка здесь идет серьезная. И если возникнет у России когда – либо крупномасштабный конфликт, с другим большим и опасным государством, а не таким «клопом» как Чечня, это «обучение» сыграет не последнюю роль в достижении победы над врагом.

Командовал «парадом» Сивый – самый опытный разведчик нашей роты. Звание у него было так себе – прапорщик внутренних войск. Однако если суммировать его боевой опыт, хитрость и беспощадность к врагу, по этим критериям погоны подполковника на его плечах смотрелись бы вполне уместно. Будь он бойцом незаконных вооруженных формирований, а не воином-контрактником, давно бы данные о его персоне, как личности особо опасного амира боевиков, находились бы на «доске хренового почета», во всех штабах нашей армии, дислоцированных в этой горячей точке. И, получал бы он не штуку баксов, которая, замечу, перепадала прапору еще не каждый месяц, в зависимости от дней объявленных боевыми, и поэтому оплачиваемых по более высокому тарифу. А зарабатывал бы он раз в десять больше. Хотя только ли в деньгах дело. Пусть «чехи» да арабы воюют за деньги, а мы еще и за Родину будем воевать. И за деньги и за Родину! Как говорится и полезно и приятно. Иначе, что подумают о нас потомки? Представляю себе большую афишу, лет через двадцать вывешенную на стене кинотеатра. На переднем плане прапорщик, со связкой гранат, готовый вот-вот броситься под вражеский танк. На заднем плане группа измочаленных взрывами бойцов поднимающихся в атаку. И огромные буквы через всю эту героическую экспозицию: «Они сражались за Деньги!». Дожила Россия, мать....

По тропе, густо заросшей свежей весенней травой, мы прошли километров пять. Здесь можно было не опасаться мин. Обычно, «духами» минировались подходы к базам, селениям и аулам, на расстоянии устойчивой слышимости от них. Сработавшее взрывное устройство не только наносило урон чужакам, но и сигнализировало отдыхающим в тепле и уюте бандитам о том, что пора делать ноги из удобного убежища. Сивый поднял руку вверх. Колонна остановилась. Он показал рукой, что можно сделать короткий привал. Мы выставили боевое охранение в виде ефрейтора Незабудки и попадали в траву. Пройденный нами путь оказался недолгим, однако уже давала о себе знать тяжелая ноша, которую мы взяли с собой. Особенно тяжело пришлось срочникам. Ведь на них мы взвалили почти весь неудобный в переноске и нелегкий груз. Более хлипкие из этих салабонов, лысоватый Петро и чернявенький Марат, уже изрядно вымотавшись, с неприязнью поглядывали то на свои необъемные рюкзаки, то, втихоря на нас —ненавистных контрабасов. Леха же, немного поплотнее телосложением чем свои товарищи по несчастью, но тем не менее тоже уже хвативший лиха от тяжелого рюкзака и гранатомета всю дорогу болтавшегося у него за спиной, казалось, даже был доволен, своей незавидной ролью ишака. Он лежал на животе и с улыбкой на лице следил за тем, как два

муравья боролись с огромной гусеницей. Надо будет повнимательнее присмотреться к этому пацану. Глядишь, чего – то достойное из него и выйдет.

От нечего делать я снял дареный медальон у себя с шеи и начал его с интересом разглядывать. Ну да, этот эмалированный дельфинчик вынырывающий из воды – определенно мне нравился.

– Товарищ сержант, дайте посмотреть! – протянул руку Леха, отвлекаясь от своих муравьев. Я без разговора швырнул ему украшение. Солдат его поймал. Молодец парень: реакция хорошая, вынослив, крепок на вид. Ну, прямо все предпосылки для того, чтобы сделать из него настоящего человека. Надо будет только тест на трусость еще провести, и посмотреть, как он будет себя вести после бутылки водки, залитой в организм. И, если все нормально – станем делать из него настоящего разведчика. Впрочем, тест на алкоголь не так уж и важен. Главное, чтобы солдат не был трусом.

– Ух ты – какая красавица! – услышал я возглас Лехи.

– Что там за красавицу ты еще нашел? – не понял я.

– Как что за красавицу? – удивился Леха, показывая мне медальон. Он каким-то образом разъединил дельфинчика надвое, и внутри его видна была фотография и в самом деле весьма симпатичной девушки.

– Ну-ка, дай сюда! – скомандовал я. – А по аккуратнее, нельзя что ли? – поморщился я, когда украшение чуть не со свистом прилетело мне обратно в руку.

Девчонка на фото была той еще красавицей. Черные южные глаза, чуть ли не в пол лица. Ресницы длинные и пушистые как созревшие «парашютики» у одуванчиков. Густые светлые волосы. Скорее всего перекрашенные, но от этого не менее волнующие, чем натуральные, спадающие на плечи. Нос слегка крупноват, но сложен очень пропорционально и как сам по себе, так и по отношению к остальным линиям лица. А губы! Э, да что там говорить – какую красавицу я вчера чуть не убил! Внизу фотографии полукругом было написано «Полли». Интересное имя с двумя буквами «Л». Очень похоже на заграничное, европейское или заокеанское. Такая бы точно до следственного изолятора могла и не доехать. Эх война война! Куча здоровых, вооруженных мужиков, готова растоптать в пыль девчущку из-за которой они, по идее, должны были биться между собой на дуэлях, дарить ей цветы, комплименты и писать стихи. В утренних сумерках я не смог ее разглядеть по-хорошему, понял только, что она слишком молода, чтобы умереть. В последнее время я стал слишком сентиментален. Или не дал мне совершить страшное преступление образ моей сестры, внезапно возникшей перед глазами, в момент общения с ночной «гостьей» нашей войсковой части. Кто его знает, что это было? Обычно мы пленных не берем, если только не получили приказ добыть «языка». Возни с ними много. И еще не факт, что после доставки в следственные органы, эти боевики снова не встретятся нам, через некоторое время, в лесном массиве с оружием наперевес. Если бы на пути той снайперши попался прапорщик Сивков, то есть Сивый, ей бы конец! Этот заматеревший в боях охотник и глазом бы не повел, выстрелив в симпатичное женское создание, а после подкрался бы к тому гнилому дереву, где сидел несовершеннолетний наблюдатель и проткнул бы его каким-нибудь штырем – прямо сквозь древесину. «На войне как на войне!» – любил повторять прапор эту бородатую фразу, всякий раз, когда убивал. Кто знает, может, он был и прав?

Сивый два раза по птичьей свистнул, сообщая нам, что пора заканчивать привал и двигаться дальше. Жалко, что Незабудка не успел как следует отдохнуть. Ну, ничего, дотянет какнибудь до следующего привала – там подежурю я. На ишаков – срочников надеяться не стоит. После такого марш-броска им будет не до наблюдений. Лучше уж самому помучиться, постоять в дозоре. Зато остаться живым!

Заночевать решили километрах в трех от аула. Дальше начиналась опасная зона. Там возможны любые сюрпризы: мины, наблюдательные посты, засады. По пути встретилась весьма

кстати, очень удобная пещерка на склоне горы. Двое остались снаружи, следить за ситуацией, остальные забрались внутрь и, наскоро поужинав сухим пайком, завалились спать. Проснулись не рано утром, а намного позже. Солнце уже горячо светило. Птицы пели во все свое весеннее горло. В воздухе пахло хорошо разогретыми на солнце травами и цветами. И умирать сегодня не хотелось никому. «Старшой» не торопился отдать приказ на выступление из нашего лагеря. В этом был свой резон. Как показала практика, посты «чехов» особенно настороженно ведут себя на рассвете и в самые ранние утренние часы. Ко второй половине дня их настороженность спадает. Они менее активно следят за обстановкой вокруг. Это связано с тем, что как правило, войсковые операции, связанные с внезапным нападением на врага, наши штабные начальники, почему то планировали проводить всегда с утра. Так сказать, с запасцем времени на день. Чтобы все успеть за светлый период суток. Вот и выработали у чехов «рефлекс доброго утра» – того времени, когда только и жди какой-либо убийственной пакости от федеральных войск. Мы же шли к ним, с мирными намерениями – только лишь понаблюдать за обстановкой. Можно сказать, что мы шли в гости. Поэтому и не торопились. В два часа дня Сивый выстроил нас в одну колонну, придирчиво осмотрел, каждого: молодежь заставил попрыгать на месте, проверяя не бренчит ли чего. Петро схлопотал в ухо за бряканье в рюкзаке. Леха получил поджопник за плохо упакованный спальник и бушлат. Вообще, Сивый не любил командовать, он любил бить. Пьяному ему лучше под горячую руку совсем не попадаться. На гражданке, скорее всего, он долго по свободе не проходит, попадет на перевоспитание, за решетку. Но здесь ему все сходило с рук: и гематомы и ушибы и переломы.

– Отделение, слушай мою команду, – совсем не по военному, скорее нравоучительно, чем резко, произнес прапор, придирчиво осмотрев выстроившихся перед ним бойцов. – Мы входим в зону действия боевых сил противника. Будьте внимательны и осторожны. Следите не только за тем, что у вас под ногами, но и за тем, что находится у вас над головой. Особенно это относится к радисту и тем, кто с гранатометами. Че ты заулыбался сынок, вопросительно посмотрел он на Марата? Зацепишь антенной растяжку и конец тебе. Ты понимаешь – мне не похер, что будет с тобой. И не похер, что станет с твоей рацией. А духам главное ликвидировать рацию. Твоя жизнь им похер! Поэтому и ставят они растяжки на такой высоте, чтобы антенной за нее кто –нибудь зацепился. Нужно под веткой на тропе час проползать – будем ждать тебя час! Но если поторопишься, добыю тебя сам, чтобы не мучился. Все, пошли!

Первый признак, того, что в ауле и правда происходят темные дела – растяжку на высоте десяти сантиметров от земли мы обнаружили в двух километрах от места ночлега. Поставлена она была явно не рукой профессионала, это было заметно с первого взгляда. Впрочем, если бы мы передвигались здесь в сумерках, кто-то из нас уже валялся бы на тропе, изрешеченный осколками. Чтобы не тащить на себе лишние кило веса, мы шли без бронежилетов, способных защитить наши тела от осколков. Это был большой минус в такой операции. Сивый остановился и предупредив нас знаком руки о том, что он обнаружил мину, не говоря ни слова нацепил на себя каску, притороченную к рюкзаку. Его примеру последовали другие бойцы. Мы свернули с тропы. До цели нашего визита оставалось совсем немного километров и пройти их нужно так, чтобы не было мучительно больно....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.